

Ерофеева И. В.

МОТИВ "МНОГОГРАННОСТЬ ЛЮБВИ" В КОНЦЕПТОСФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 44-45. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. Alexander L. G. Longman English Grammar. Harlow: Pearson Education Limited, 2001. 374 p.
2. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 3^d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
3. Carter R. Cambridge Grammar of English / R. Carter, M. McCarty. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 974 p.
4. Hewings M. Advanced Grammar in Use. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 294 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2005.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 2005.
7. Вейхман Г. А. Новое в грамматике английского языка: уч. пособие для вузов. 2-е изд., доп. и испр. М.: ООО «Издательство «Астрель»»; ООО «Издательство «АСТ»», 2006. 542 с.
8. Галицкая С. Ю. Continuous Aspect: Reference and Practice / С. Ю. Галицкая, А. С. Дружинин. Владимир: ВГТУ, 2009. 49 с.
9. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др.; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна и проф. Э. М. Медниковой. 7 изд., стереотип. М.: Русский язык, 2002.

МОТИВ «МНОГОГРАННОСТЬ ЛЮБВИ» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

*Ерофеева И. В.**Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Чита*

Теория журналистики медиатопику любви рассматривает в аспекте основных интересов аудитории и называет «человеческим фактором», всегда привлекательным и востребованным. Большая советская энциклопедия утверждает, что любовь есть сложная динамическая интеллектуально-эмоционально-волевая система, состоящая из множества меняющихся элементов. Находясь в оковах любви, человек способен переживать нежность, радость, тревогу, ревность, страсть, и даже страх, например, потерять объект вожделения. Словарь Ушакова называет любовь чувством, основанном на половом влечении двух лиц, взаимно связанных этим чувством. С точки зрения концептуальной лингвистики, внутренняя форма концепта «любовь» «не такая ясная и стройная», как бы хотелось [Степанов, 1997, с. 279].

Любовь - явление сложное, в котором органично пересекаются противоположности биологического и духовного, интимного и общезначимого. В российской культуре категория любви подразумевает высшее чувство, данное Богом, поэтому оно связано с понятиями целомудрия, стыда и греха. Любовь всегда ассоциировалась в России с красотой, истиной, духовностью, разврат на Руси преследовался жестоко. Именно на эти особенности в толковании любви обращали внимания Н. Лосский, В. Розанов, В. Соловьев.

Совершенно по-иному любовь воспринимается сознанием западного человека, которое обязательно включает в пространство концептосферы физику: красоту тела и физическое обладание. На российской земле крайне осуждалась любая торговля любовью, чувствами, превращение тела в товар, выставление его на показ безумной публике. Целью любви на Руси объявлялось создание семьи и продолжение рода.

Подобные различия в отношении к основной категории жизни человека не случайны, а оправданы историей стран, архетипическими установками. Г. Гачев в своих успешно прочитанных в США лекциях, повествующих о различных образах мира, подчеркивал, что для Америки свойственен комплекс Ореста - «матерубийства» [Гачев, 1998, с. 189-191]. Ей характерна слабость женского и материнского начал. В России, напротив, культивируется женская субстанция, на что имманентно, в силу ментальности чувства, обращают внимание журналисты: «У России - женское лицо. Красота - не только страшная сила, но и национальное достояние» (АиФ. 2008. 16 июня). Мы чувствуем особую природную энергию между отцом - небом и матерью - землей, между духом и материей. Обоожествление материнского начала облагораживает наше чувство любви, очищает его от примеси чисто сексуальных и физиологических потребностей.

Современный медиатекст существует в режиме постмодернизма и склонен к аксиологическому плюрализму. Семантический рисунок концептосферы «любовь» в современных СМИ преимущественно плотский, предпочитающий фрейдовскую тематику полового инстинкта. Он чаще всего далек от традиционных законов семьи и любви. Р. И. Александрова и Е. А. Курносикова справедливо отмечают: «СМИ фиксируют обвальную пошлизацию, вульгаризацию самого тонкого, хрупкого слоя духовной жизни человека» [Александрова, 1999, с. 5].

В пространстве средств информации мы найдем однообразные фигуры обольстительных женщин, шокирующие рубрики (например, «Греховный кайф»), многочисленные исповеди путан, а также ставшие привычными материалы с заголовками: «Бывает ли без секса настоящая любовь?» (КП. 2008. 22 октября); «Любовь без секса? Уж лучше секс без любви» (КП. 2007. 3 февраля); «Онегин отверг любовь Татьяны, так как не был педофилом?» (КП. 2008. 5 июня) и т.д. Как правило, подобные плотские фантазии изобретательны, но далеки от художественного вкуса, потому как, говоря языком И. А. Ильина, «беспредметны и пусты» [Ильин, 1993, с. 299].

Современный коммерческий ПР, в том числе и медиабизнес, активно эксплуатирует технику эротизации товара, создавая в большом объеме соблазняющие изображения. В рекламных конструктах особенно востребовано женское тело. Продвижение промышленных и продуктовых товаров ориентировано на стимуляцию сексуального инстинкта, одновременно используется техника реструктуризации - смена характеристик,

которые признаются доминирующими для рекламируемого объекта: гель для душа становится «нежным и вдохновляющим», а кофе - «соблазнительным».

На развлекательных каналах подавляющее количество передач культивирует некое подобие «куртуазной любви», которая находит себя вне брака и осуществляется согласно вольно оглашенным правилам: «Секс с Анфисой Чеховой»; «Правила съема»; «Дом-2» (ТНТ); «Истории в деталях» (СТС); «История любви»; «Тайны соблазна»; «Обыск и свидание»; «Следующий»; «Кинозвезды. Порочные связи» (MTV) и др. Также в рамках нового концептуального содержания любви реабилитирован образ Дон Жуана, тоскующего по невоплощенному совершенству и разрешающего себе систематическую беспорядочность, а иногда и бесчеловечность к "несовершенным" возлюбленным: «Пришел, увидел, увел!» (АиФ. 2008. 3 декабря); «Мужчине нужно три жены» (АиФ. 2008. 29 октября); Дмитрий Нагиев: «Надеюсь, я все еще секс-символ. - На сегодняшний день я очень тонко чувствую - не улегаются пока мои любовные интриги и разборки!» (АиФ. 2008. 6 августа).

Любовь в пространстве прагматического медиатекста порой настолько узка и примитивна в своей физиологичности, что с легкостью препарируется на алгоритмы исполнения: «Любовь - это болезнь?» (КП. 2005. 20 апреля); «Что любовь делает с мозгом человека» (КП. 2008. 16 мая); «Любовь под контролем» - советы, как правильно любить» (КП. 2008. 1 ноября). В подобных контекстах не учитывается ключевой мотив концептосферы «любовь»: данное чувство, ни в своем возникновении, ни в угасании, не программируется разумом и волей, хотя и находится под их контролем. Трудно, например, объяснить, почему один и тот же человек может служить для влюбленного объектом, как любви, так и ненависти. Влюбленность возникает как самое свободное и непредсказуемое выражение личности, соответственно, её нельзя принудительно вызвать или преодолеть. В интервью, опубликованном в «Комсомольской правде», писатель Б. Акунин говорит: «Тот, кто дергает куклу за ниточки, остается обделенным - вместо любви ему достается одно удовлетворение от собственной искусности» (КП. 2003. 30 декабря).

Влечение должно быть живым, парящим, прозрачным и всеохватывающим. Когда же любовь становится машиной, чувства упрощаются, исчезает нежность и полет, заменяемый возбуждением и удовлетворением. Платон трактовал чувственную влюбленность как низшие ступени лестницы духовного восхождения, ведущего к абсолютной Красоте, идеальной любви (платоническая любовь). Современная психология, сравнивая сексуальное влечение и любовь, констатирует, что сексуальный акт «исключительно чувственен, а настоящая любовь сердечна и рассудочна; он отключает разум, а любовь сознательна, он временный, а любовь вечная» [Немов, 2008, с. 50].

Многогранность любви в дихотомичном сознании России проявляет себя в гармоничном слиянии верха и низа, духовного и телесного, в целостном единении любви земной и небесной. В народной культуре семантика любви включала обрядность чувства, его карнавальное естество. На Руси существовал праздник любви, весенне-летнего орошения, оплодотворения Земли. Он знаменовал «сакральный обряд праздника свободы» [Степанов, 1997, с. 294], на котором действо представляли музыканты, игроки на дудках, гуслиры и скоморохи, ряженые, а также женщины-плясуньи из числа красивейших девушек селенья.

Игровая сущность любви наряду с ее сакральным началом ярко представлена в медиадискурсе, например, в передачах «Саша + Маша», «Женская лига: парни, деньги и любовь!» (ТНТ). Апелляция в рамках медиатекста к исконным смыслам российской культуры позволяет использовать иронию и даже сарказм в отношении издержек реально воплощенного чувства: «Любовь - это когда кричат «горько!» (КП. 2008. 22 ноября); «Девяностолетняя баба Поля верит в любовь и секс» (КП. 2008. 4 марта); «Любовь - это болото, где тонут два идиота» (КП. 2008. 12 февраля).

Итак, медиадискурс, являясь не всегда адекватным, но все-таки зеркалом реального бытия нашей эпохи, в процессе репрезентации концепта «любовь» синтезирует виртуальные изыски моды, архетипическую рефлексию, исконные смыслы, а также эффекты манипулятивного воздействия. По мнению современных исследователей, активная сексуализация является частью информационно-психологической войны [Манойло, 2006, с. 215-216]. Воздействие информационного оружия на массовое и индивидуальное сознание человека и общества, на социальные процессы осуществляется, в том числе, через пропаганду сексуальных тем, порнографии и других разрушительных для гражданского общества идеологических ценностей. Трансформация ключевой константы российской духовности «любовь» позволяет «освоить и подчинить» концептосферы других составляющих культурного ядра нации: «соборность», «духовность», «семья».

Список использованной литературы

1. Александрова Р. И., Курносилова Е. А. Россия: духовность, философия любви. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1999. 176 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: ACADEMIA, 1998. 430 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
4. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2006. 541 с.
5. Немов Р. С., Алтунина И. Р. Социальная психология: краткий курс. СПб., 2008.
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.